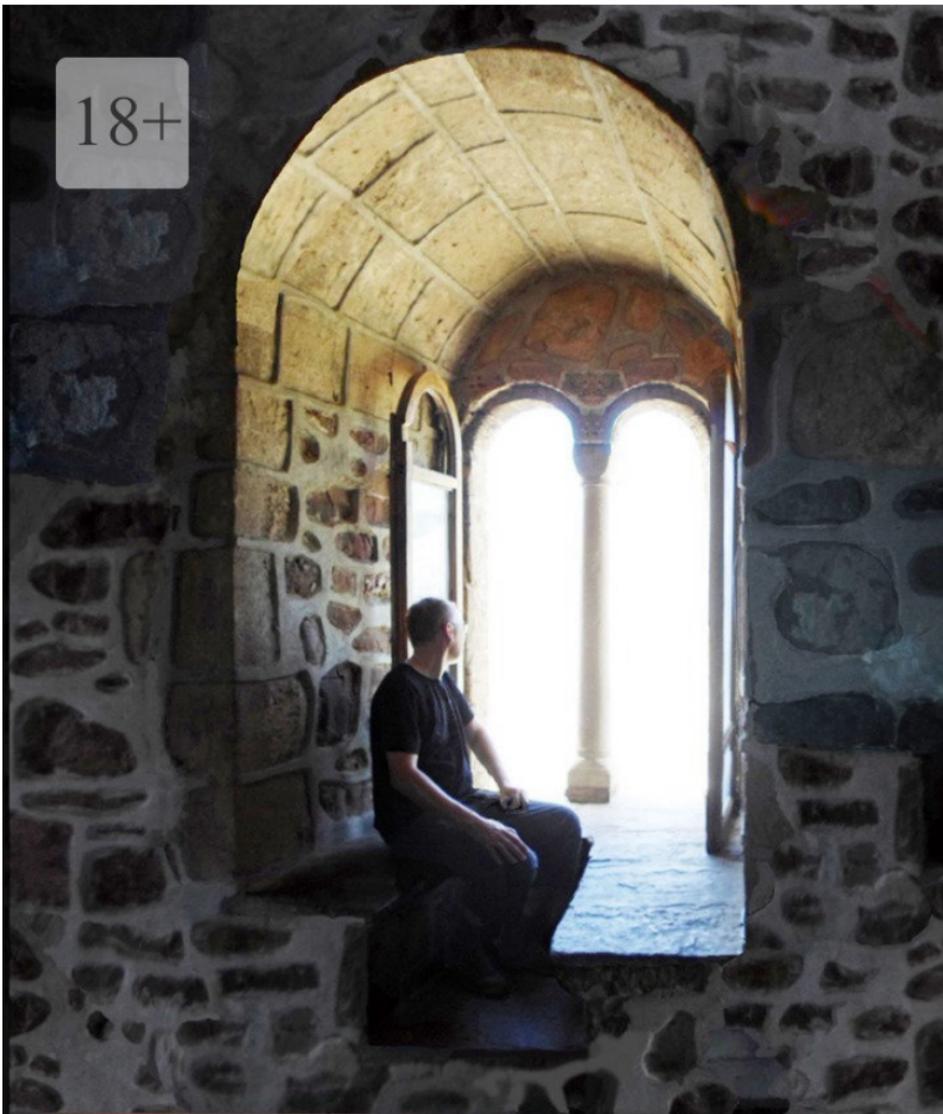

18+

Валерий Симанович **Vector Spiritus**

Валерий Симанович

Vector Spiritus

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67855629

ISBN 9785005672568

Аннотация

Симанович Валерий Леонидович родился в 1967 году. Имеет высшее образование. Женат, но склонен к поэзии. Широко известен в узких литературных кругах. С 1998 года – главный редактор журнала «Новый Карфаген». В быту неприхотлив. В душе – сибарит... В сборник включены ранние стихотворения автора, а также краткая история создания творческой группы «Поэтическое Королевство Сиам» («Poetic Realm Siam»).

Содержание

СТИХОТВОРЕНИЯ	8
ЗИМНЯЯ КАРТИНА	8
НОЧНАЯ ЭЛЕГИЯ	10
АГАТЫ	11
ЖЕЛЕЗНАЯ РОЗА	12
ТРАМВАИ	14
ДЕВОЧКА	15
«Стремиться вверх!..»	16
НОЧНОЙ ГОРОД	18
«Я сплю, но снова для меня...»	20
КИБЕРНЕТИЧЕСКИЙ СОН	21
«Я тебя не любил ...»	23
ОБОРОТЕНЬ	26
«Что делать со счастьем...»	28
В ТУМАННЫХ САДАХ ЭДЕМА	29
Я БЫ МОГ ЛЮБОВЬ	31
«От чистой мечты не осталось...»	34
ПРОБУЖДЕНИЕ	35
«Лист кленовый пленил облака...»	36
НИКОГДА	37
ПЛАЧ ВУРДАЛАКА	38
ВЕСНА	39
ПИСЬМА	42

ВУРДАЛАКИ	43
ПРОСТО СЛЯКОТЬ	44
СОН ИЛЬДАБАОФА	45
ВЫСШАЯ НАГРАДА	47
КОЛИБРИ	49
«Я любил наблюдать несказанную радость...»	50
МАРШ	51
ЧЕЛОВЕК – ЯДРО	52
ДЕТИ КАРНАВАЛА	53
ГУРУ	55
ВЕСТОР SPIRITUS	56
ВЛЮБЛЁННЫЙ НАРЦИСС	58
ЖИВЫЕ И МЁРТВЫЕ	60
ВЕЛИМИР	62
РЕЦЕНЗИЯ	63
ВОСЬМАЯ НОТА НЕБА	64
ПРОРОЧЕСКИЙ СОН	66
НА СМЕРТЬ ПОЭЗИИ	68
ГИМН ФУТУРИЗМУ	69
СВЕТОЗАР	71
НЕДОПИСАННАЯ ПРОЗА	73
ОСВОБОЖДЁННАЯ МЫСЛЬ	75
«Ночь. Расчленён на тринадцать частей...»	76
ТЕНЬ	77
ОБЩАГА	78
БОЖЕСТВЕННЯ МЕСТЬ	79

ЗАБЫТЬЁ	82
«Стираю номер. Больше – не звонить...»	83
ВОЛЧИЦА	84
ПРЕДВКУШЕНИЕ АВГУСТА	86
ЭКЗОРЦИСТ	87
«Я рад, что есть у меня кровать...»	90
ВОПРОСЫ	91
НА ЗАБЫТОМ МАЯКЕ	93
ЖЕНЩИНА – ПИКАССО	94
ВОЛЬНОСТЬ	96
«Будет поздний вечер...»	97
ДЕРЬМО МАМОНТА	98
НЕЖНОСТЬ	99
ЖАБЬЯ КРОВЬ	101
БАЛЛАДА О ФАТОГАРЕ	104
ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО ПСА	106
ПРИЗНАНИЕ	107
САДОВНИК	108
ФИЛОСОФ	111
СВОЕЙ СОБАКЕ	112
ГОЛЕМ	114
ПАДАЛЬ	116
СЕРДЦЕ ТЬМЫ	117
«Из сердца тьмы я выкрал пламя...»	120
ГЕЙША – НОЧЬ	121
ЗИМНЯЯ АУРА	122

«Узники! Увы, никак не гости...»	124
ИГРА	125
«Любовь не срослась...»	127
ЛЕОПАРД	128
ЭВТАНАЗИЯ	129
ЧЕРТОПОЛОХ	130
КРЫЛЬЯ ГАРПИЙ	131
АКСИОМА	134
«Уже не уйти никуда...»	135
ТЕЛЕФОННЫЙ ОБЕТ МОЛЧАНИЯ	136
СЛОНЫ В ПУАНТАХ	138
ОТХОД НА СЕВЕР	140
МОЙ ПУТЬ	142
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПОЭТИЧЕСКОЕ КОРОЛЕВСТВО СИАМ»	143
ПРЕДИСЛОВИЕ	143
ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА	146
ВАДИМ ЯКОВЛЕВ	146
ОЛЕГ ВИГОВСКИЙ	156
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Vector Spiritus

Валерий Симанович

Иллюстратор Юрий Резник

© Валерий Симанович, 2023

© Юрий Резник, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-0056-7256-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

И жадный взор искал причину
 Остаться раз и навсегда
У края ледяного моря,
 Питаясь мощью зимних бурь.

1985—1986г.

НОЧНАЯ ЭЛЕГИЯ

Тонкие, прозрачные ладошки,
Быструю смешинку на губах,
И глаза большой сиамской кошки
Вижу по ночам в тревожных снах.

...Так мучительно пылают розы
В лунном серебре пустых садов.
Тает незнакомый отголосок,
Унося во тьму обрывки слов...

И, взлетев эфирною душою
Выше предрассветных облаков,
Я смеюсь и плачу над собою,
Не найдя бредовую любовь.

1985—1988 г.

АГАТЫ

Мне прилив оставил в лёгкой пене,
Позабыв, прозрачные агаты,
Словно слёзы призрачной сирены,
Ощутившей боль чужой утраты...

В глубине камней укрылась нежность,
Тайна робких встреч и поцелуев,
Лучезарные мечты и безмятежность —
Всё, о чём ночами я тоскую,

Что вернуть пытаюсь. Но как прежде
Утренний прилив следы смывает.
И упорно глупые надежды
Сердцу не прощает, не прощает...

1987—1988 г.

ЖЕЛЕЗНАЯ РОЗА

Умирая, мой друг подарил мне железную розу.
На её лепестках запеклась почерневшая кровь.
И теперь по ночам с ощущением тайной угрозы
Он приходит ко мне
в чередѣ утомительных снов.

Наклоняясь, беззвучно разбухшими
шепчет губами,
Полыхая бездонным провалом горящих глазниц.
А наутро уходит незримыми смертным путями,
Оставляя гнетущий,
пронзительный скрип половиц.

Лишь набросит рассвет
мне на окна багровые тени —
Злополучная роза, почувствовав зов пустоты,
Оживѣт и, исчезнув, появится в небе весеннем
Воплощением утренней, яркой, томящей звезды.

Ослабеет дыханье от тонкой трепещущей боли,
Потускнеют глаза, побледнеет, набрякнет лицо —
Так железная роза моей наливается волей,
Чтоб из Ада вернуть
неудобных судьбе мертвецов.

1988—90 г.

ТРАМВАИ

Трамваи уходят в степь,
Трамваям в городе жарко.
Трамваи танцуют степ
Вдали от ремонтного парка.

Трамваи ищут траву:
Роскошную марихуану.
Трамваи от счастья ревут,
Валяясь на чистой поляне.

Разорваны провода,
Возить никого не надо.
Отныне и навсегда
Трамваи – вольное стадо!

1988 г.

ДЕВОЧКА

Во мраке запутанных улиц
Невольно почувствуешь дрожь,
Заметив немое виденье,
Как будто сверкающий нож:

Прекрасную тихую девочку,
С затмением солнца в глазах,
С восторженной хищной улыбкой
На чувственных тонких губах.

Она пролепечет: «Любимый...»
Почувствуешь цепкость руки,
И сладким ночным поцелуем
Сомкнутся на горле клыки...

1988 г.

«Стремиться вверх!..»

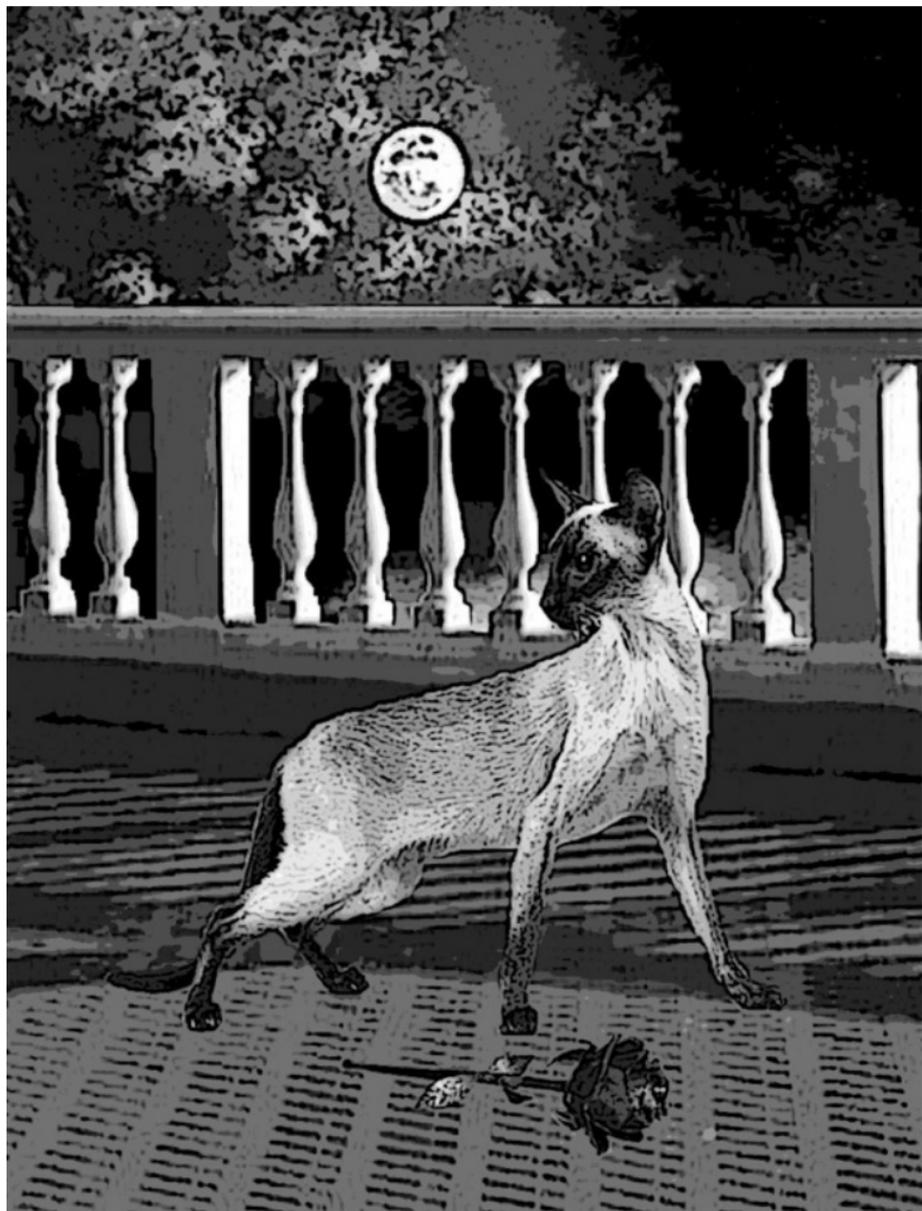
Стремиться вверх!
Когда ушла надежда,
И губы, улыбаясь, шепчут: «Что ж»,
А сердце бьётся успокоено и нежно,
По телу – дрожь...

Стремиться вверх,
Когда любовь приснилась,
А жажда славы грубо тянет вниз,
Когда в душе твоей ничто не изменилось,
А смерть – каприз...

Стремиться вверх!
Когда нет силы верить
И чувствовать немую пустоту,
И думать, что все люди – звери,
Забыв мечту...

Стремиться вверх!

1989 г.

НОЧНОЙ ГОРОД

Утомительный день
попрощался рукою заката,
И прохлада скользнула
по площади нежной змеёй.
Безмятежность присела
незримо у летнего сада,
Излучая спасительный сон
и душевный покой.
На фасады домов
опустились железные шторы.
Опрокинуты отблески
в Улицы без Конца,
Где недорого сумрака
фирменный джинсовый морок
Продавал на пустынном углу
Человек без лица —
Архитектор событий,
пугающий с первого взгляда,
Замороченный джазом,
пришибленный,
с «левой резьбой»,
Выдавал клочкотание труб
городского уклада
Одиноким прохожим
за чистый фагот и гобой.

Протянув электричества
бледные тощие руки,
Побирался, мигая,
бездомный унылый фонарь.
Но не глядя бежали
по кругу любовные муки,
Грохоча кандалами
надёжных супружеских пар.
Желтоглазый трамвай,
с душой городского балбеса,
Хохотал на ходу,
содрогаясь от мелких вибраций.
И шептались с опаской,
топорща во тьме ирокезы,
Захмелевшие, скромные
панки-акации...

1989 г.

«Я сплю, но снова для меня...»

Я сплю, но снова для меня
Иллюзия настойчиво рисует
На крышах города дождями пастораль.
С неё сотру туманную печаль —
И сердце, вздрогнув, заликует
Упрямым языком огня.

Всё в мире охватила мгла,
Но шёпот поднебесной высоты
Зовёт из плена суеты куда-то вдаль.
И губы вторят: «ничего не жаль...»,
В овраге ждут озябшие цветы.
И храм души звонит в колокола.

Случайный унисон почти не слышим,
Неповторим ни в чувствах, ни в тонах.
Былое – прах. И наша память умерла.
Остались лишь слова: «Нет зла.
Весь мир любовью движем.
Ищи её в обычных мелочах»...

1989 г.

КИБЕРНЕТИЧЕСКИЙ СОН

...Пока слепо плыл сон над земными надеждами,
космос кровью сочился над погибшей любовью...
был из скрытых людей свет тот медленно изгнан,
и Небо

не спало...

...Звёзды плавали в океане
несдержанных радостей,
там, где Время ржавело
на кладбище брошенных лезвий,
темнота шевелила обрубками рук,
и Небо

не спало...

...Ад был белыми хлопьями слеплен,
пустота пила знаки внимания смерти,
не верил никто в доброту,
и Небо

не спало...

Но сквозь крик сумасшедше ревущих галактик,
разрывая пространства и груди,
вставал Свет...

и Небо

с
н
у
л
о...

1989 г.

«Я тебя не любил ...»

Я тебя не любил —
Ценил...
Ревновать не умел —
Но смел.
Хам —
С грехом пополам,
А ты —
Называла святым.
И когда порвалась
Связь —
Не искал подходящих
Фраз...
Бесполезны слова
Мои
В построении лживых
Схем.
Если жизнь не дана
двоим —
Пусть язык остаётся
нем...

Захотел быть свободным —
и стал нелюдим.
Почивал в облаках,
а теперь стал земным.

1989 г.

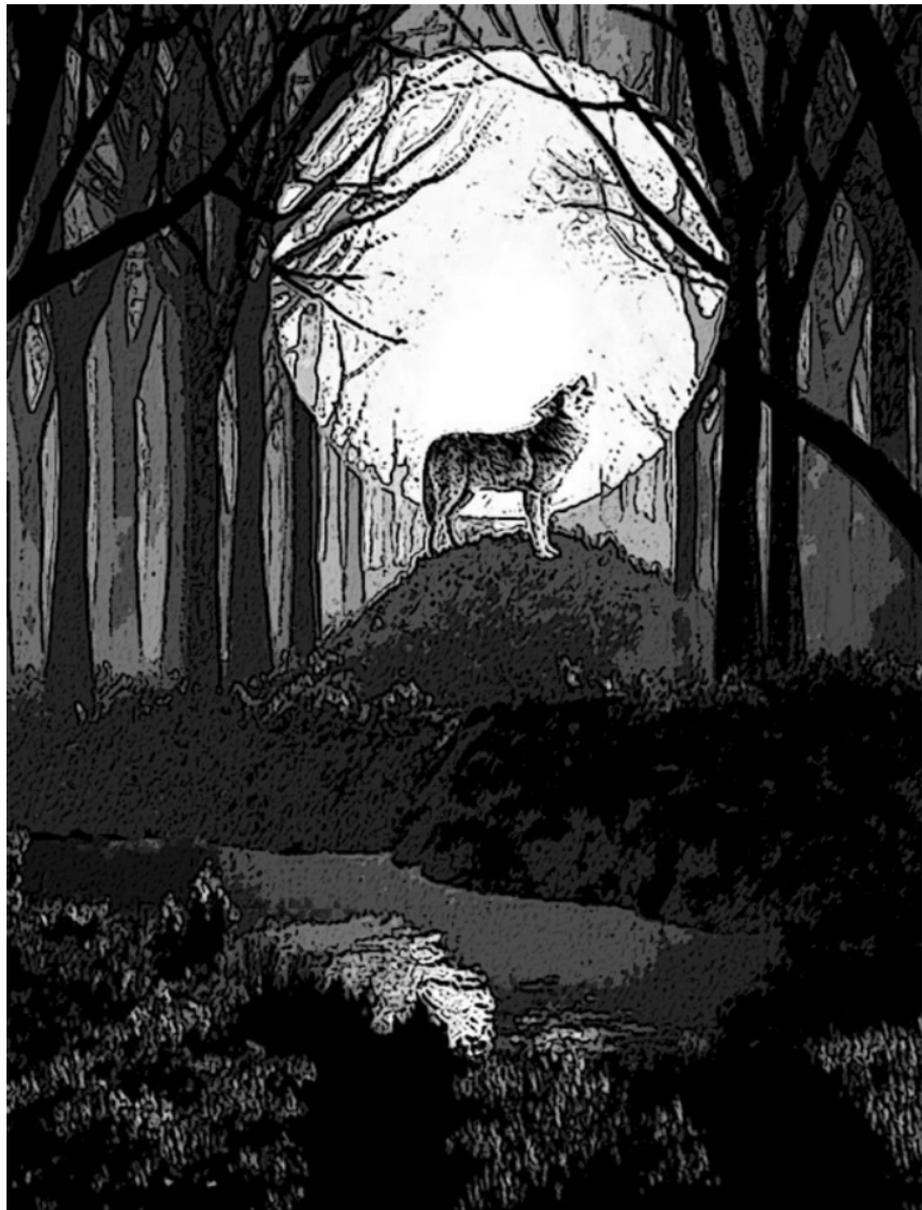
ОБОРОТЕНЬ

Обжигает вены волчья кровь.
Вырваться пытается наружу...
Только как судьбе не прекословь —
Не спасти измученную душу.

Я смотрю на тусклую Луну
Добрыми щенячьими глазами.
Чувствую, как режет тишину
Боль нетерпеливыми клыками...

Я взываю, пряча ужас в ноту
И мечусь. Но день спустя, точь-в-точь,
Поспешу на лучшую охоту
В тихую, безветренную ночь.

1989 г.

«Что делать со счастьем...»

Что делать со счастьем,
Когда его много,
И к сердцу любимой
Открыта дорога?

Что делать – не знаю.
Ведь вот как бывает:
Что ищешь – находишь,
И смысл исчезает...

1989 г.

В ТУМАННЫХ САДАХ ЭДЕМА

Исплевавшись в закат менструальных полотнищ,
Издержавшись в борьбе за воззвание «Дай!»,
Изревевшись в камлании уличных толпищ,
Я покинул, смеясь, скорпионовый рай.

...Где лениво молилось гнилое болото
На икону невинных прозрачных небес,
Я увидел нежданно литые ворота
В позабытый чудной полусад-полулес.

В заповедных туманных пределах Эдема,
Где пронизаны ночи и дни тишиной,
Где коварное эхо безухо и немо,
Я нашёл долгожданный приют и покой.

Там о Вечной любви на пустынной поляне
Напевал, умиляясь, серебряный ветер.
И от страсти дрожа, как в старинном романе,
Лесбиянка играла на кожаной флейте...

Пропитавшись насквозь ароматом цветов,
Я забыл, как тревожно гудят поезда,
Потерялся в истоме цветных облаков,
И увидел, как плачет ночная звезда.

Но, устав от любви и лирических тем,
Нахлебавшись слащавых историй до рвоты,
Я оставил туманный и странный Эдем.
И, волнуясь, ступил за литые ворота...

Возвратившись в трущобы знакомых окраин,
Я в раздумьях застыл у разбитых витрин.
А меж тем в подворотне потомственный Каин
Методично ноздрями тянул кокаин...

1989 г.

Я БЫ МОГ ЛЮБОВЬ

Таинство творчества скрыто от сознания людей.

Но порой Господь приоткрывает и эту завесу...

Эмоции, сталкиваясь и перетекая в символы, создают ассоциативный поэтический ряд...

ПОСЛЕДНИЙ.....	МОЙ.....	СОН
поцелуй	огонь	страшный
освинцованных	погас	не нужно
губ	сквозило	кровавых
прохладен	счастьем	рук
и.....и.....и.....и.....и.....и		
ГРУБ.....как...	ДУЛО.....	ПИСТОЛЕТА
В окаменелых	рас-	За
ладонях	-качивая	час
НЕ СПРЯТАТЬ.....	МАЯТНИК.....	ДО РАССВЕТА
лица	сердца	старый город
Длинный	ненастьем	в ночной
и серый	охмурило	пижаме
как улица	лоб	дорог
РАССКАЗ.....	РУКИ.....	ВЫВАЛИЛ
Грусть	просились	синий
не	корнями	язык
КАПНЕТ....вода.....	В.....	ПУСТОТЫ
СЛЕЗОЮ.....	ЗЕМЛЮ.....	НА ПОРОГ

остекленевших	Об	наступающей
глаз	столб	Вечности
СЛОВА.....	КРАСОТЫ.....	ПОЙТЕ
как	разбились	чёрные
петля	глаза	ангелы
ЗУБЫ-ЛЬДИНЫ.....	В... пасти... у....	СМЕРТИ
впились	небе	о Убиении и
МНЕ.....		ГРОЗА.....

Человечности

в сердце	рвала	но молча
Больно	ветки	клыки
и	волос	вонзайте
холодно	сметая	мне
Смейтесь	с	в горло
все	лица	довольно
СМЕЙТЕСЬ.....	ПАУТИНУ.....	Я СЛЫШУ
Гудящим	А	предметы
рельсом	внутри	и вижу
ударило	только	все звуки
В УШИ.....	МРАК.....лез.....	ДО ДНА
«навсегда»	и	нет силы
где ты	сосущая	смелее
трусливая	мозг	чем

ТИШИНА

Я БЫ

МОГ

Убить простить

твое

себе

ИМЯ

цепи

рукой
проституток
Забывать
про
живущую
в венах
Радости
кровь
которую
люди
опошлили
скользким... Б..... НЕТ
словом О заслоняя
В
Ь

сковавшие
Жить
и
Любить
НО
Китайской
Стеной
дикой
Злобы
Монголов
встаёт

1989 г.

«От чистой мечты не осталось...»

От чистой мечты не осталось
Ни вздохов, ни пламенных строк.
Она надо мной издевалась,
А я изнывал как щенок...

Разрывал белоснежные муки,
Задыхался от праведных слов,
Наблюдая томление суки,
Отвечавшей на кличку: Любовь.

1989 г.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Я проснулся на кладбище ночью,
Как воскресший вампир...
В вышине явью древних пророчеств
Полыхал звёздный мир.

Очертания траурных сосен
Утопали во мгле.
Очищала дыхание Осень
В поминальном огне...

Незаметно небесная радость
Опустилась ко мне,
И пьянящая грусть и усталость
Разлились по земле...

Ослабев, я уснул на рассвете,
Позабыв обо всём...
А в траве всё шептал сладко ветер:
«Здесь твой дом...».

1989 г.

«Лист кленовый пленил облака...»

Лист кленовый пленил облака,
Улетая беспечно в зенит.
Удивительна боль и сладка...
Я воскрес, но душа ещё спит.

Незаметно окончилось лето,
И на землю пришли холода.
На спине золотого лафета
Укатилась лихая мечта...

Над дорогами ливни повисли.
Я по-прежнему болен тобой.
И всё кружатся, кружатся мысли
В переулках, где грусть и покой.

1990 г.

НИКОГДА

Пьёшь эту жизнь и не пьянеешь,
Лишь подступает тошнота...
Всего однажды не успеешь —
И не догонишь никогда.

1990 г.

ПЛАЧ ВУРДАЛАКА

Спасибо вам, люди, что вбили
Мне в сердце осиновый кол.
Не встану уже из могилы —
Спокойно, светло и легко...

Забудьте, как после заката
Тревожил вас жалобный вой,
Как рвался я к свету из Ада,
Придавленный мёрзлой землёй.

Как, руки озябшие вскинув,
Я ждал наступленья зари.
И как, поднимая осину,
Кричали вы: «Нечисть, умри!»

Спасибо вам, люди, что вбили
Мне в сердце осиновый кол.
Не встану уже из могилы —
Спокойно, светло и легко...

1990 г.

ВЕЧНА

Я молчу:
Одинок, неподвижен.
Много дней в переулках пустых
Наблюдаю, как падают с вишен
Лепестками
на землю
мечты.

Знаю:
Глупость дошла до предела,
Но иначе нельзя объяснить,
Что душа без тебя очерствела.
И не может
как прежде
любить.

Вскрою
Бритвою злой укоризны
Небосвода разбухшие вены.
Алой кровью заката брызну
На твоё
лицо
и колени.

Испугаешься?..

Засмеёшься?..

Пролепечешь обиженно:

«Глупый!»

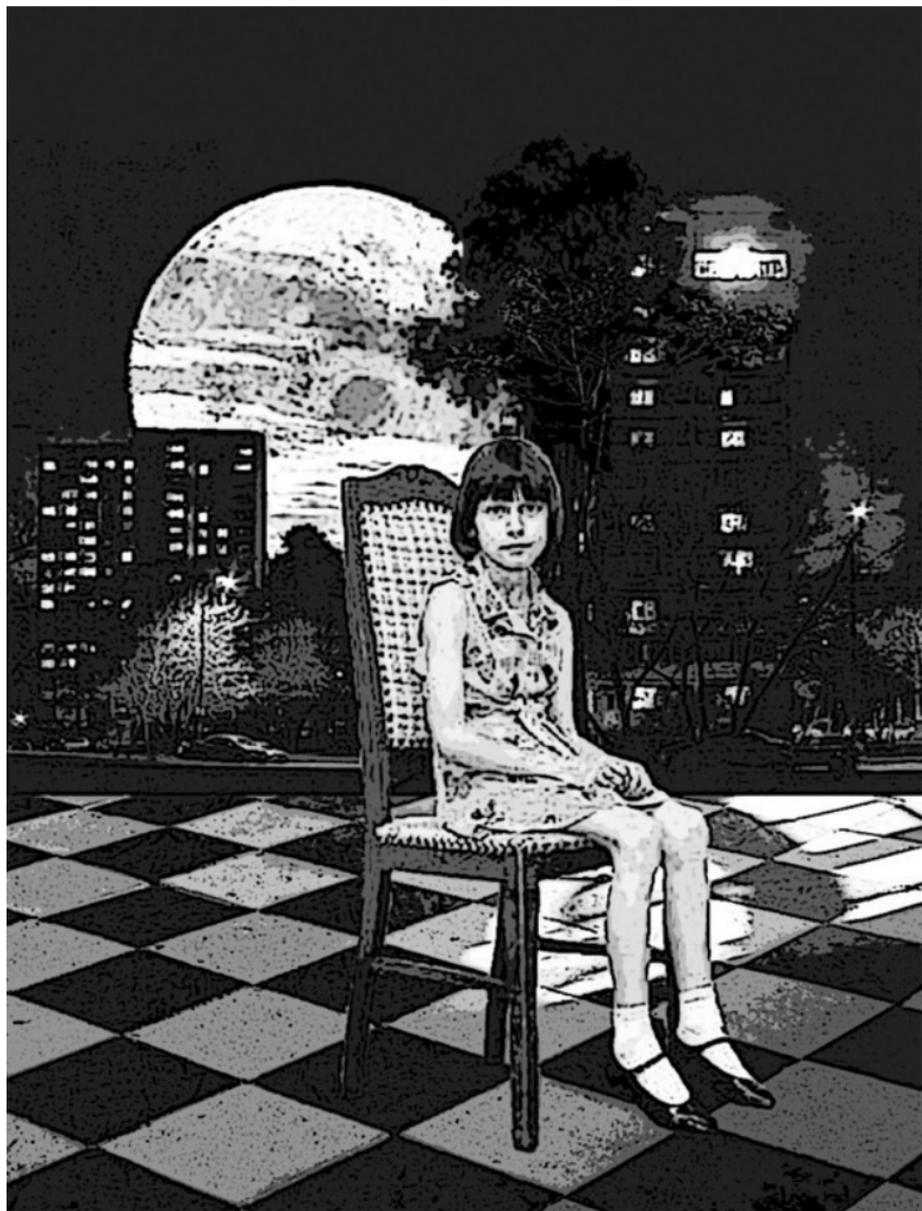
Но поймёшь, и, конечно, вернёшься,

различив

в небесах

мои губы.

1990 г.

ВУРДАЛАКИ

В полнолуние встают из гробов вурдалаки
И привычно стучатся в окошки домов.
В их глазах затаённая нежность собаки,
На губах запеклась почерневшая кровь.

Вурдалаки рыдают, царапая стёкла,
Закадычный приятель и старая мать,
Умоляя: «Впустите! Мы насквозь промокли!»
Но нельзя им ни окна, ни дверь открывать.

Ну а тот, кто не выдержит пытки любовью,
Пропадет: вурдалаки его разорвут.
И холодные твари, насытившись кровью,
На заре под землёю до срока уснут...

1990 г.

ПРОСТО СЛЯКОТЬ

Милая, не нужно плакать зря.
Унесет сомненья южный ветер.
И весенняя пьянящая заря
Сердце успокоит на рассвете.

Милая, усни, забудь вину...
Где-то на другом конце планеты,
Серебро сплетая в тишину,
Пауки разбрасывают сети.

Милая, разлуки не оплакать.
Это – вечный, но не стоящий вопрос.
Ты поверь, что слёзы – просто слякоть.
Брось монетку сна в озёра грёз...

1990 г.

СОН ИЛЬДАБАОФА

Ветер-демон нёс меня к востоку,
Разрывая грозовые облака.
Пустоглазый, хищный и жестокий,
Словно зверь, попавшийся в капкан.

Он кружил над вечными лесами,
Вырывая их с корнями из земли.
Засыпал долины пеплом и камнями,
По-собачьи плакал и юлил.

Я сидел, схватившись за загривок,
На его невидимой спине,
Выверяя путь свой без ошибок
К тёмной, неизвестной стороне.

Где-то там языческие боги
Предначальных выцветших времён
Укрывают в призрачных чертогах
Тайну первых чисел и имён...

Отыщу рунические строфы,
Прошепчу, и сгинет навсегда
Бесконечный сон Ильдабаофа,
Не оставив в мыслях и следа.

1990 г.

ВЫСШАЯ НАГРАДА

За то, что я жил, словно Ангел небес,
Познавший земные пороки;
За то, что душою был беден как Крез
И не платил налоги;

За то, что был ласков, как крокодил,
Лобзавший чужие ноги;
За то, что «царскую водку» пил
И не боялся изжоги,

А также за то, что судьбу ухватил
Нежнейшею хваткой бульдога —
Господь от щедрот меня наградил
Талантом изящного слога. . .

1990 г.

КОЛИБРИ

Ты шустрее колибри...
Воруешь нектар
Из садов золотого сечения.
Я – другого калибра,
В душе – золотарь,
Очищаю колодцы терпения.
В первородном грехе
Мы слились налегке,
Задыхаясь от наслаждения.
И теперь не уснуть...
Как пролитая ртуть,
Мы скользим по стеклу откровения...

1990 г.

«Я любил наблюдать несказанную радость...»

Я любил наблюдать несказанную радость
Восхитительных глаз. И всегда невпопад
Я тебе говорил откровенную гадость,
Замечая, как тонкие губы дрожат...

Я любил удивлять и, порой поневоле,
Перемешивал нежность и строгость ума.
Я упорно ломал трагедийные роли
Примитивным набором комичных гримас.

Я любил уходить без прикрас, не прощаясь,
Возвращаясь с опухшим испитым лицом,
И, тебе словно Деве Марии покаясь,
Рассуждать о несчастной судьбе подлецов.

1990 г.

МАРШ

Левой ногой – по зелёной траве,
С предвосхищением в хмельной голове.
Навстречу желаниям юных богинь,
Пьющих из глаз моих ультрамарин.
Звуки чеканя в кузнице слов
Из предрассудков и сумрачных снов.
В панцирь бессмертия дух облачив,
Чествую всех, кто напорист и жив.
Жду воплощения смелых идей.
И людям не веря, верю в людей.

1991 г.

ЧЕЛОВЕК – ЯДРО

Я – человек-ядро.
Ко мне – на пушечный выстрел...
Неотвратимо в срок
Огонь бока мои выбрил.

Не целясь – в любую грудь,
Любую точку города.
Неуловимый как ртуть,
Потяжелее золота.

Предпочитаю полёт
Свободному падению,
Чтобы жара – там, где лёд,
И постоянное жжение...

Я – неожидан как гром!
Совсем не умею – назад.
Я – человек-ядро,
Пущенный наугад.

1991 г.

ДЕТИ КАРНАВАЛА

Отдыхали без просыха,
Танцевали не в лад
Под картонным подсолнухом,
В обрамленьи гирлянд;
Истоптали подошвы
Вплоть до самых колен,
Хохотали истошней
Кровожадных гиен;
Разрывали могилы,
Хоронили живых,
Тротуары мостили
Переплётками книг.
Всё пустили на ветер,
Без хлопот и войны,
Карнавальные дети
Сумасшедшей страны.
Но закончилась брага
В високосном году,
И весёлые флаги
Утонули в чаду...

1991 г.

ГУРУ

И был твой взгляд окамасутрен,
Обрахмапутрен в полный рост.
Меня нашли живым под утро,
Без денег, втоптаным в компост...

И, взяв топор на встречу с гуру,
Я поспешил в знакомый дом,
Чтоб посвятить себя в авгуры
Его горячим потрошком.

А остальную мяса груду
Продать (чтоб знал, чему учить!)
Соседу – он из секты Вуду.
Вот только б не продешевить...

1991г.

VECTOR SPIRITUS

...И вот под рукой телефон,
и некому позвонить.
Какой же бездарный я выдумал сон...
Хотел помолиться —
некого даже молить.
Встал.
С глазами бездомной собаки
пошёл искать себя.
По улице брёл в предчувствии драки.
Думал:
сумел жить не живя,
А теперь вот хочу суметь
не умирая умереть.
Заявлял о победе,
как последний нахал.
Всех обманывал.
И всё ждал...
Подытожил.
Успел.
Человек... без греха.
Никто не поможет,
никому не жаль.
Истина!
Где ты дрейфуешь,
старуха?

ВЛЮБЛЁННЫЙ НАРЦИСС

Я скрывался от всех на пустом чердаке,
Презирая житейские драмы,
Разрезал зеркала и на каждом куске
Отрешенно писал анаграммы.

Я пытался постичь в отражении суть
Запредельных духовных стремлений.
И всегда в глубине обнаруживал муть,
Несмотря на настойчивость бдений.

Но весною во сне мне привиделся холм,
Где, затмивши полнеба крылами,
Восседает Валькирия с белым копьём,
В намерении властвовать нами...

Пораженный любовью, я шёл наугад,
Напрямик по лесам и болотам.
Не пытаюсь присесть и вернуться назад,
Изнывая от грязи и пота...

Я пришёл, я коснулся устами колен.
И, взглянув в леденящие очи,
Попросился навеки в губительный плен,
Обещая согреть её ночи.

Но ударами крыл я был сброшен с холма,
Показательно, быстро и чинно...
И теперь для меня – что сума, что тюрьма,
Что безвестная смерть – всё едино.

Для неё – слишком грязен,
Для других – слишком чист.
Воплощённый для казни,
Влюблённый Нарцисс.

1992 г.

ЖИВЫЕ И МЁРТВЫЕ

Расстреляли его в октябре.
А когда первый снег закружился,
Он вернулся к своей сестре,
Ветром северным в стены бился.

Не найдя отворённых дверей,
Он пролился дождём весенним.
И когда она шла на заре,
Целовал ей росую колени.

А потом тянулся ростком
Из земли среди сухостоя,
Чтоб украсить зелёным венком
Всех лишённых тепла и покоя.

1992 г.

РЕЦЕНЗИЯ

В гостях случайно прочитал стихи,
Где юный гений «плакался в жилетку»:
Как трудно правду очищать от шелухи
И ждать во сне порочную нимфетку...

Стихи его – бездарны и плохи,
Но так уметь совать язык и палец
В любую щель – не каждому с руки!
Бесспорно: он – большой п... страдалец.

1992 г.

ВОСЬМАЯ НОТА НЕБА

В бездну опрокинутого неба,
Дышащего жадно синевой,
Канул взгляд – и так смешно, нелепо
Радостный мечтательный покой
Хлынул в запрокинутые лица,
Опустевшее двуречье рук...
Не имея сил остановиться,
Тонкий упоительный испуг
Раскачал качели детских страхов
Сказочной страны Дремучих Трав.
Клетка чувств, не выдержав размаха,
Распахнулась, нежностью обдав...
И, предвосхищая жажду смеха,
Небо накренилось вровень губ,
Окриком взволнованного эха
Обнажив сияющую глубину,
Напоив до головокруженья
Вечностью зияющих вершин —
Так, что негой вспенилось смятенье
И в бесцветность глаз пролилась синь.
Дух вскрылил поющею истомой,
Укрощая призрачный потоп.
Ослабев, укрылся в тонкой соме,
Где под кожей забытых троп
Закипела кровь горячей лавой.

И как будто подводя итог,
Над прибежищем рождённой яви
Прокатился первозданный вдох...
Но на жизнь глаза смотрели слепо,
А с востока, царственно звеня,
Мир будил восьмью нотой неба
Колокол пурпурного огня...

1992 г.

ПРОРОЧЕСКИЙ СОН

Ко мне во сне

пришёл Господь Бог,

Тощий и тонкий как тень.

И сказал он:

«Мир стал совсем плох,

Я

хочу перемен...

Назначаю тебя

самым красивым,

Самым умным

и справедливым.

Но если ты трус, —

То я тебя отформатирую,

Мамой своею клянусь!

А точнее сказать: констатирую»...

Так и живу:

самый-самый.

А как не жить?

Осаживаю хамов.

Недавно бросил курить...

1992 г.

НА СМЕРТЬ ПОЭЗИИ

Поэзия мертва. Язык богов забыт.
И мы – её последние адепты,
Сухими рифмами латаем ветхий щит,
Гремим бронёю и даём обеты.

Когда-то лучший стихоборец имярек
Осилит путь и тяготы бессмертных
И яростно, как раненый берсерк,
Возьмёт ворота глупости и скверны.

Мы вместе выгоним из города невеж,
Спасём забытую гармонию из плена.
И, дружно разломав крутые стены,
Заложим сад Несбыточных надежд.

1992 г.

ГИМН ФУТУРИЗМУ

Господа Дирижёры!

Добрые и отъявленные,
Не машите своей тросточкой!..

Серой жизнью придавленный,
Я храню ещё в душе
тонкие росточки.

Кричите:

«Футуризм —
старая больная слонятина!»

Но я родился в нём, и он понятен мне...

Я поднял упавшее знамя.

Молчите!

Жёлтый стяг

высшей страсти и новой морали!

Ждите...

Идёт Варяг.

Пусть умрут иезуиты слов

И Любовь, отлитая из нержавеющей стали.

Всякую гниль – прочь!

Вымощу дорогу отборными словами.

Плюйте

в сладкоголосую сволочь,

Идите за нами!

...Развеется гениальный тлен,

Уснут корифеи, где их закопали...

Философия молота

и хрустальная дребедень —

Вот, Дирижёры, что вы нам дали.

Вздуются лица пульсацией вен!

Многих вы растоптали —

но я неподвластен вам.

Там, где молчали веками,

Говорю:

бойтесь!

Мои слова, горящие как напалм —

Чистая адская смесь,

пострашнее цунами,

Поднимут Радость с колен.

И она навсегда

останется с нами.

1992 г.

СВЕТОЗАР

Волхвы наблюдали за небом.
И слушая звёздный напев,
Молились о счастье и хлебе.
Но падали звёзды, сгорев...

В далеких чащобах искали
Волхвы обгоревший металл.
И в горне расплавив, ковали
Звенящую светлую сталь.

Чтоб Меч получился на славу,
Его закаляли в крови.
И рунами слева направо
Писали: «Живых не убий!»

Веками служил Он защитой
Земли от невидимых сил.
Но всё это было забыто.
Лишь Меч ничего не забыл.

Как прежде призывно сияет
Клинок, предваря удар.
И падшие ангелы знают:
Не сломан ещё Светозар...

Он ждёт своего господина,
Сокрытый в уральских горах.
Чтоб снова в лихую годину
Пылать в беспощадных руках.

1992 г

НЕДОПИСАННАЯ ПРОЗА

Бутонами царственных лилий
Твои глаза распахнулись...
Им вслед поцелуи взмыли:
Летели – не дотянулись....

И руки, как шёлк, ускользали,
И губы терялись во мраке...
От счастья сердце устало,
А ветер молился и плакал.

В предутренней зыбкой дымке,
Обласканной страстью и болью,
Ты стала совсем невидимкой,
Всю нежность отдав – на волю!

На место, где ты стояла,
Я бросил сухую розу.
И жизнь вдруг казаться стала
Листом недописанной прозы.

1992 г.

ОСВОБОЖДЁННАЯ МЫСЛЬ

Я писал картины на бумаге.
Буквами. Понятия сплелись.
Не прощаясь, в тёмные овраги
Ускользнула каторжная мысль...

На обрывке скомканных обоев
Разлилась пугающая блажь —
Незаметно, будто сам собою,
Появился призрачный пейзаж.

Я подумал: мысль освободилась,
Вырвалась в пространство высших каст.
А зачем? Чего она добилась?
И кому отдать такой балласт?

1992 г.

«Ночь. Расчленён на тринадцать частей...»

Ночь. Расчленён на тринадцать частей.
Почти что Озирис...
Там, у скрещенья небесных путей,
Ядовито и зло светит Сириус.

Мысли и чувства разбросаны ветром.
Никому не собрать.
Тысячелетия и километры
Верность забвенью хранят.

Ищешь меня тринадцатый день.
Почти что Исида...
Летишь в колеснице снегов и дождей,
Земною печалью укрыта...

Полно страдать. Этой жизни ничтожной
Я подарил Новый Храм.
Где больше не будет рабов и наложниц,
И песен – лживым богам.

1992 г.

ТЕНЬ

Я немерено пил. И, не выдержав крен,
Повалился на пол и вошёл в свою тень.
Я увидел реальность с другой стороны:
Там бурлили, сливаясь, кошмарные сны.
По изломанным граням, сметая порог,
Искажённую тень затащило в поток...
Мне открылась изнанка знакомых вещей,
Где живое начало мертвее мощей.
Разглядев Демиурга, я в страхе бежал.
И теперь я не пью. Навсегда завязал.

1992 г.

ОБЩАГА

Десяток книг, магнитофон, гитара —
Вот всё, что у меня, пожалуй, есть.
Ещё полдюжины немойтой тары,
Да на столе окурков Эверест...

Бренчит гитара без одной струны,
Трещит «кассетник» словно кофемолка.
А я хочу минуту тишины —
Но все вокруг болтают без умолку.

Вот выброшу «кассетник» из окна,
Отдам соседу старую гитару,
Снесу в ларёк скопившуюся тару
И на гроши куплю бутылъ вина...

1992 г.

БОЖЕСТВЕННАЯ МЕСТЬ

Тебя, как тоненький бокал,
Под сводами готического зала
В томящихся руках держал,
Ты мне, смеясь, отчаянно сказала:
«Возьми, возьми скорей. Я так устала».

Незримый музыкант повёл смычок,
И петля рук, наброшенных на плечи,
Скользнула плавно к шее. Слилсь вдох...
Весь вечер в серебре слезились свечи,
И жить хотелось радостней и легче...

Сплетенье душ и невесомых тел
В потоке дивной музыки витало,
Стремясь в далёкий призрачный предел,
Где скрыто нашей вечности начало
И то, о чём так сладостно молчалось...

Восторг уснул, но нежность заставляла
Забывать всё то, что было и что есть,
Умерить страсть слепящего накала
И свято целовать тебя, как крест,
Найдя в любви божественную месть...

ЗАБЫТЬЁ

Плохо всё, везде и сразу:
Деньги – продают,
Женщины несут заразу,
Книги нагло врут...

Утро хладнокровно целит
Точно мне в зрачки.
Каждый вечер хочет сверить
Ставки и очки...

Игры тёмные – пасуют.
Дружба – бередит...
Только забытьё ликует,
Правит и вершит...

1992 г.

«Стираю номер. Больше – не звонить...»

Стираю номер. Больше – не звонить,
Не видеться, не ждать, не волноваться.
Зажмуриться и спрятаться в тени
Чужих историй. И не возвращаться.

...Закончен день. Тускнеют небеса.
Но между звёзд глаза находят имя,
Которое я как-то написал
Пером из белых крыльев херувима...

1992 г.

ВОЛЧИЦА

Сердце не обманешь: ты – волчица,
Хищный гладкошёрстный дикий зверь.
И от этой правды мне не спится,
Слышу, как поскрипывает дверь

И деревья напряжённо стонут
В зябкой непроглядной темноте.
Незаметно твои веки дрогнут,
В лунном свете колыхнётся тень.

Донесётся жгучее дыханье,
Словно рокот огненной реки,
И прорежут сумрак очертаний
Белые прекрасные клыки.

Ты положишь мне на сердце лапу,
Проверяя, как глубок мой сон,
И, случайно кожу оцарапав,
Кровь слизнёшь шершавым языком.

И уйдёшь. А сердце в злом разгуле
Будет долго и тревожно ныть...
Я отлил серебряные пули.
Знаю точно: Бог меня простит...

1992 г.

ПРЕДВКУШЕНИЕ АВГУСТА

Последний день звящего июля
Затих в траве, устав от суеты.
Хмельное солнце молча разомкнуло
Над миром золочёные мосты...

И медленно, клубясь намокшей ватой,
Вставали грозовые облака...
Умокли птицы на аллеях сада,
Замедлила течение река.

От тяжести кренилось небо в лужи.
И Красный Кот закатной темноты,
Клубком свернувшись, напряжённо слушал
В глухих оврагах шёпот пустоты...

1992 г.

ЭКЗОРЦИСТ

В чреве ночного Царьграда
Послышался скрежет ключей,
Лязгнула дверь каземата
И вспыхнуло пламя свечей...

Вошедший зло усмехнулся.
«Кто здесь? – промолвил слепой. —
Дьявол? Ответь, ты вернулся?
Так дай же мне смерть и покой».

– Да, я пришёл повидаться.
Был ты умён и речист...
Но вздумал со мной тягаться —
И всё проиграл, Экзорцист...

Миром по-прежнему правят
Предательство, ложь и порок.
В чести у людей Варавва...
Где же твой праведный Бог?

«Во мне живёт Его вера, —
С трудом прошептал Экзорцист. —
Вижу я свет высшей сферы
И сердцем пред Господом чист!»

«Глупый, не веришь. Он умер. —
Воскликнул, кривясь, Сатана. —
А ты – бестолковый флюгер —
Всецело в руках у меня.

Впрочем, подобные люди
Давно на земле не нужны.
Выпей вина – и забудем
Час объявления войны.

Если отвечать честно —
Не видел я лучшей игры:
Яркой... Но бесполезной.
Так выпей... и тихо умри».

1992 г.

«Я рад, что есть у меня кровать...»

Я рад, что есть у меня кровать
В маленькой пыльной комнате,
Где я могу тихо спать,
В мечтах купаясь как в золоте.

Я рад, что есть у меня окно
С кусочком синего неба,
Куда я смотрю, когда пью молоко
С горбушкой пахучего хлеба.

Я рад – у меня есть друзья:
Старые добрые книги.
Ну, а у них есть я —
И Вечность, застывшая в миге.

1992 г.

ВОПРОСЫ

В ваших глазах – стылость,
Радость из сердца вырвалась.
Злоба когтями впиалась
В нежность сереброкрылую.

Что же теперь – ослюнявиться?
Броситься пузом на нож?
Или немедля отправиться
В крипты масонских лож?

Кто мне без колебаний
Даст однозначный ответ:
Золото значит молчание
Или, быть может, медь?

Мёртвых дарить водою,
Равно живых – огнём?
Клятву считать Судьбою
Или же пустяком?

Разве мы – злые дети?
Нам ли отмерен срок
Падающей кометой,
Парой библейских строк?

1993 г.

НА ЗАБЫТОМ МАЯКЕ

Одиноко и тревожно
На забытом маяке.
И всё чаще невозможно
Воспротивиться тоске...

Забери меня отсюда,
Белоснежный пароход.
Здесь не верят больше в чудо
И фантазии полёт.

Увези меня с собою
К изумрудным островам,
Где смешались шум прибоя,
Звук цикад да шелест пальм.

Отыщи в стране далёкой
Заповедный уголок,
Где под радугой высокой
Я приют найти бы смог...

1993 г.

ЖЕНЩИНА – ПИКАССО

Плачь, женщина-пикассо! Твой навеки,
Я вспоминаю элегантность наших встреч,
Страбизм зрачков и страстность тонкой неги
В подчеркнутых движеньях смуглых плеч.

Ты помнишь, как со звонким ломким смехом
В бесшумных заводях полночного стола
Мы целовались, разбудив ночное эхо,
Дремавшее за плоскостью стекла.

Как бились зеркала. И мир без рамки
И без подобия был молод и горяч...
Теперь всё это я упрятал в гранки.
Плачь, женщина-пикассо, плачь...

1993 г.

ВОЛЬНОСТЬ

У Бога из перстня упал аметист —
И появилось Море.
Был этот дар благороден и чист,
Спокоен и мудр. Но вскоре

Дьявол, искавший божественных сил,
Водную гладь обнаружил.
И в хитрости пеплом её окружил —
Так появилась Суша.

Так появилась первая грязь.
Муть поразила Море.
И хлынуло Море, бесстрашно смеясь,
На берег, с Дьяволом споря.

И если сегодня бушует шторм,
Послушай, как бьются волны.
И если услышишь, то вспомни о том,
Что значит родиться вольным.

1993 г.

«Будет поздний вечер...»

Будет поздний вечер.
Будут ветры дуть.
Игры в «чёт и нечет»
Потеряют суть.

Кресло у камина
Скрипнет и замрёт.
Только чай с жасмином,
Только рыжий кот —

Вот и всё, что нужно.
Пусть поёт камин
Голосом простуженным
О безумстве льдин...

1993 г.

ДЕРЬМО МАМОНТА

О. Виговскому

Достойные спартанских денег,
Изящные, как кирпичи,
Твои стихи, надутый гений,
От парафраз не отличить.

Потоки дряблых откровений,
Стриптизы рахитичных чувств
Ты по-мужицки скособенил,
Пока прочтёшь – повесишь клюв!

Поверь: библейские сюжеты,
Тупые дохлые сонеты —
Страшнее, чем в глазу бельмо!

Увы, безудержный мечтатель,
Твоя метода и читатель
Стары, как мамонта дерьмо...

1993 г.

НЕЖНОСТЬ

Разлука была бесконечной...
Склонюсь. И щекой беспечно,
Прижмусь к истончённой руке.
Попробую чистого слова,
Растаю на миг в пустяке...

Если ты будешь готова,
вздохну и присяду рядом.
Не нужно сейчас другого —
секунду доброго взгляда —
Живую частицу Бога.

Останься, дыши, улыбайся,
храни утомленную нежность.
Только меня не касайся —
у нас впереди неизбежность.
Прости маету и погрешность.

Дождись красоты, не исчезни.
Пойми: еще не дописаны
мои сокровенные песни,
Где мысли светом пронизаны
И в небе от радости тесно...

ЖАБЬЯ КРОВЬ

В разрезе апельсина вижу губы.
Вино в стакане – словно жабья кровь.
Один глоток. И моментально, грубо
Раздался в сердце позабытый зов...

Никто не знал: Земля и Небо
Встречались тайно по ночам.
И мы, поверивши в нелепость,
Дарили жизнь своим мечтам.

И чувства множились стократно,
Насквозь пронизывая ночь.
И первозданное стаккато
Рвало с души лохмотья прочь.

Восторг всходил над бездной яви
В сиянии ночных светил,
Всходил и единеньем правил
Превознесенных слов и сил...

А мы того не замечали,
Найдя бутылочное дно.
И жабьей кровью называли
Густое терпкое вино...

Занятно вспоминать спустя сто лет,
И пить в кафе вино, букет смакуя,
За ту любовь, которой больше нет,
Приманивая – новую – *другую...*

1993 г.

БАЛЛАДА О ФАТОГАРЕ

Не трогая расстроенной гитары,
Поведаю о неземной любви
Прекрасной и коварной Фатогары,
Как жизнь свою интригой отравил
Старинный друг – невольник суеты,
Известный гитарист и сочинитель,
Когда в безбожных поисках мечты
В чужих мирах наткнулся на обитель
Наследницы царя земных судеб,
Давно живущей вопреки законам.
Её дворец был холоден как склеп
И ранее не ведал камертона...
Уловками и лестью Фатогара
Пленила сердце друга моего,
И вскоре звуки трепетной гитары
Лились внутри магических кругов;
Дымились в зале жаркие кальяны,
И едкий запах наполнял альков.
Безумные, на золотом диване,
Они играли в нежность и любовь...
Тянулись дни, чарующе бездонны.
Кувшинки слов цвели в озёрах лжи...
И друг раскис, обманом опьянённый,
Забросил музыку и всё, чем дорожил.
Но это не понравилось принцессе:

Любить пропащих – не её удел.
Она ушла от глупого повесы —
Альков любви затих и опустел...
Очнувшись, друг не смог иначе жить.
И умер, завещая мне гитару.
И я тогда поклялся сочинить
Балладу о прекрасной Фатогаре.

1993 —1994 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО ПСА

Не гони, разреши борзым радостным псом
Лечь у ног богини нагой...
Но молчи, не хочу вспоминать о былом,
Дай поверить в близость с тобой.

Не гони, я уже ухожу через миг,
Лишь погреюсь возле тебя.
Постарайся понять мой собачий язык,
Обними, шерсть рукой теребя.

Я пытался сидеть на твоём поводке —
Но неволя, увы, не по мне.
Потому ухожу и назад не вернусь.

Засыпай, не жалею о таком пустяке.
Не гони, если встретимся где-то во сне.
Пусть хоть там я тебе пригожусь.

1993 г.

ПРИЗНАНИЕ

В молельню тихо постучалась
Души забытая печаль.
И с губ признание сорвалось,
Которого не ожидал...

– Прости мне, Бог, но не беспечность —
Лишь неумелое житьё.
Прости мне, Бог – не бессердечность,
Но двусердечие моё...

Быть может, понятый Тобою,
Я исцеленье получу.
И с прежней, детской мечтою
Шагну к рассветному лучу...

1993 г.

САДОВНИК

В опустевшем саду в полнолуние,
Не сумев запах роз превозмочь,
Отдавалась садовнику юному
Королевская дочь.

Сладкозвучно всю ночь щебетали
Над уснувшим дворцом соловьи.
И земля торопливо вздыхала,
Принимая движенья любви.

А наутро, идя с ассамблеи,
Увидал августейший монарх
Отпечатки следов близ аллеи
И знакомую ленту в кустах...

Замолчала испуганно свита,
Но принцесса, предвидя вопрос,
Улыбнувшись, сказала: «Простите.
Здесь резвился наш маленький пес,

Что живёт во дворце за портьерой
И таскает мои кружева.
Вы, наверно, не заперли двери.
Или я, как всегда, не права?»

И король, широко улыбаясь,
Проронил: «Это можно понять.
Кто бы ни был здесь ночью – прощаю.
А садовника – наказать!»

1993 г.

ФИЛОСОФ

Ты зря старался разделить
Судьбу на мелкие детали,
Годами продолжая жить
В аллюзиях чужой морали:

Бесстрастных, чистых и святых,
Но вычурных и невозможных,
Где формулы легки как стих
И по наивности – безбожны.

Где квадратурою икон
Ты вычислить пытался радость
И знаком обозначить стон,
В надежде узаконить жалость.

Но всякий раз, хлебнув сполна
Непререкаемых реалий,
Ты убеждался: жизнь дана
Для умножения печалей...

1993 г.

СВОЕЙ СОБАКЕ

...Ты знаешь, я бываю одинок.
Но это никому не интересно...
Когда б ещё я мог чесать твой бок,
Терзая душу заунывной песней?

Бывает, ночью места не находишь:
То пьёшь, то куришь, то глядишь в окно.
А чаще, словно тень, по дому бродишь,
Считая, что давно всё решено....

Всё оттого, что наша жизнь – «собачья»!
Ты знаешь это, пёс, меня верней:
Как ни служи, как косточку ни клянчи,
В конце концов турнут тебя взашей.

Раз в год, найдя породистую сучку,
Хозяин поведёт тебя женить
И, наблюдая пламенную случку,
В роскошном кресле будет пиво пить...

Так и у нас. Ведь мы в душе боимся
Остаться без хозяев и цепи.
Но врем друг другу и собой гордимся.
А уличённые – обиженно вопим.

Вот потому себя считаю вправе
Не замечать раскаяний и слёз...
Чем лучше узнаю людские нравы,
Тем больше я люблю тебя, мой пёс.

1993 г.

ГОЛЕМ

Заря, приди! Развей густую мглу!
В пещерах я, слепой и неумелый,
Скупую жизнь с рождения терплю,
Врагом бездушно вложенную в тело.

Ночами я читаю письма,
Забывшие седыми мудрецами.
Рука скользит по плитам и камням,
И явственно встают перед глазами

Картины удивительных чудес,
Кровавых битв, стихийных потрясений,
Падения и взлёты королевств,
Рождение и гибель поколений,

Все тайны океанов и морей,
Небесных звёзд, невидимых отсюда,
Пути Богов, похожих на зверей,
Проклятья ведьм, утративших рассудок.

Но в этом всё безумнее всего
Моя тоска о неизбывном свете.
Что стоит вековечность без него?
И значит, я смогу, порвав тенета,

Весенним утром, презирая Смерть,
Вдыхая свежий воздух облегчённо,
Взглянуть на солнце и окаменеть
С улыбкою, навеки восхищённой.

1993 г.

ПАДАЛЬ

Ты долго избегала встречи.
Но вот, усевшись на колени,
Ведёшь бессмысленные речи
О скромности своих влечений...

Какой возвышенный интим!
Но портит всё простая малость:
Была ты брошена другим —
И мне досталась. Мне досталась

Одна лишь пьяная печаль,
Да непонятная усталость.
И мне тебя совсем не жаль.
Ты – падаль. Ею и осталась.

1993 г.

СЕРДЦЕ ТЬМЫ

Забытый Богом в полусвете,
Лишённый маски дивных книг,
У врат Седьмых на парапете
Я думал о путях земных...

Преодолев моря и бездны,
Интриги, войны и позор,
Потратив годы бесполезно
На философский разговор,

Я не узнал природы света,
Который вёл меня во тьму,
И потому просить совета
Явился к Богу самому.

Семь дней терзаясь от сомнений
У врат Небесных, на коленях,
Я душу страхом истомил.

Но Голос молвил: «Успокойся.
Ступай и ничего не бойся.
Свет – это сердце тьмы».

1993 г.

«Из сердца тьмы я выкрал пламя...»

Из сердца тьмы я выкрал пламя.
И, обжигаясь налету,
Швырнул его в толпу, как камень,
Как астероид в пустоту...

Огонь рассыпался на строчки,
Но не исчез и не потух.
Рядами звонких многоточий
Сигналил мне пропащий Дух.

1993 г.

ГЕЙША – НОЧЬ

Не уснуть, не укрыться
От навязчивых глаз
Запретившей стыдиться
Гуттаперчевых фраз...

Лишь о ней я мечтаю,
Отправляясь ко сну.
С ней напрасно пытаюсь
Разделить тишину.

Ночь – незримая гейша
Королевских кровей —
Год от года кромешней,
Недоступней и злей.

1994 г.

ЗИМНЯЯ АУРА

«Алло!» – хриплый голос в трубку.

Это – Осень,

отлитая в граммы,

Это – пустошь

легла на приступки

Нескончаемой лестничной гаммы.

Ветер носит по улицам звуки.

Крепкий кофе.

Бессонница.

Сплин.

Осыпается надпись

на стенной штукатурке:

«Мы останемся вместе.

Навеки.

Аминь».

Зреют нового века приметы:

Гул шагов

и мокрый фасад.

До зимы остаётся полсигареты.

Пепел тихо

летит на асфальт.

Замерзающих луж

стекленеют глаза,

И слезятся от жёлтого,

тусклого света.

«Узники! Увы, никак не гости...»

Узники! Увы, никак не гости,
Мы устали видеть потолок
В старой башне из слоновой кости.
Но не вскрыть отмычкой замок...

Каждый день душа стучится в двери,
Умоляя отпустить без проволок.
Только, видно, Бог шутя отмерил
За попытку к бегству новый срок...

1994 г.

ИГРА

Постыдно отверженной быть.
Но быть самовластной – прекрасно...
Как чашу сократову пить,
Любить тебя – смертоопасно...

Но поздно: всеядный и хищный
Во мне поселился азарт,
Который в игре ищет пищу.
Почувствуй же пристальный взгляд!

В твоём поражении – победа,
В моём – оглушающий смех.
Так пусть же нахальство поэта
Узнает безумный успех.

Пусть сильный окажется правым,
Склонив самовластность к земле.
Любовь твоя – чаша с отравой.
Смертельно. Но это по мне...

1994 г.

«Любовь не срослась...»

Любовь не срослась,
 Позаброшены рифмы.
И сердце готово молчать.
Но падаль сомнений
 безумия грифы
Стремятся как прежде терзать.
Тяжёлыми льдами
 сдавили заботы
Наивные детские сны,
Но мы всё равно
 попадем в переплёт
И будем вознесены!
А тот,
кто считает интригу нелепой, —
Увидит через века:
 стихом-поцелуем
Обласкано небо
 у солнечного пупка.

1994 г.

ЛЕОПАРД

Дедушка, усевшись на порожке,
Мальчику серьёзно говорил:
«Не гоняй, малыш, собак и кошек,
Отвяжись от местной детворы.

А не то с окрестных гор в долину
Спустится пятнистый леопард
И тебя утащит на вершину.
А оттуда нет пути назад...

На плато, где вечно ветер воеет,
Зверь, от нетерпения хрипя,
Лапою когтистой грудь раскроет
И проверит: есть ли сердце у тебя».

1994 г.

ЭВТАНАЗИЯ

Когда покидает страну благодать —
Приходит на ум эвтаназия...
Что же нам делать? Чего ожидать
На задворках варварской Азии?

Творцы погубили в себе красоту,
И теперь в утешенье осталось
Пить самогон и плодить нищету,
Вызывая презренье и жалость.

1994 г.

ЧЕРТОПОЛОХ

СИАМу

На задворках последней империи,
Вдалеке от центральных дорог
Появился на вспаханной прерии
Поэтический чертополох.

Поливали растение помоями,
Удобрляли прокисшей мочой.
Но поднялся он над устоями,
Рожь кубанскую двинув плечом.

1994 г.

КРЫЛЬЯ ГАРПИЙ

Ночное племя! Я сберёг секреты,
Которые от вас узнать пришлось,
Когда лишь к вам – созданьям полусвета —
Шальное сердце из груди рвалось.

Явив преступно ангельские лица,
Вы рвали душу, холодили кровь,
Ночные полудевы-полуптицы,
Пришедшие из глубины веков.

Я с вами жил свободнее, чем ветер.
Теперь – один, забытый и больной,
Брожу как тень, и пакостные дети,
Кривясь, смеются за моей спиной.

Измучившись, я до сих пор не смог
Найти хотя бы каплю пониманья.
Скажи, зачем, немилосердный Бог,
Ты требовал невыполнимой дани —

Святой любви на протяжении лет,
Когда стократ промозглыми ночами
На ложе Гарпии творили бред,
Укрыв меня шершавыми крылами?

Я был строптив и неприятелем ранил.
Но Гарпиям казалось сладкой боль.
И я устал, не понимая правил,
Забыл молитвы и земную роль.

Ночное небо стало мне желанно.
И как-то я заметил на спине
Две крохотные колотые раны
С набухшими ростками в глубине.

Пронзая тело, пробивались крылья...
Придя в сознание к исходу дня,
Я бросился в окно и без усилий
Взлетел к Луне, молчание храня.

Ночное племя приняло меня
Торжественно, как первого из равных.
И был обряд развоплощенья сна
В кругу существ извечно inferнальных.

Царица Гарпий стала мне женой.
И мы скользили на границе яви,
Смущая души и чужой покой
Порой из мести, чаще для забавы...

Но осенью, во время снежной бури,
Не в силах оставаться на лету,
Кружась, как листья в бешеном сумбуре,
Мы рухнули, обнявшись, в пустоту...

В моем рассказе нет ни капли лжи.
Так, видно, было суждено судьбою:
Она – разбилась. Я – остался жив.
Без крыльев. С искалеченной душой...

Назад вернуться я уже не смог.
И много лет, таясь, живу изгоем.
Скажи, зачем, мой милосердный Бог,
Ты знал исход и допустил такое?

1994 г.

АКСИОМА

Вселенная, как падаль, тошнотворно
Исходит гноем безнадежных строк.
И здесь добавить нечего. Довольно.
Усмешка злая – всё, что я сберёг.

Мучительно перетекает время
По капле из «возможного» в «нельзя».
И стала аксиомой теорема,
Где смертным суждена одна стезя...

1994 г.

«Уже не уйти никуда...»

Уже не уйти никуда.
Но можно просто отсюда.
Оставив дела навсегда,
Искать нечудесное чудо.

Пробраться, минуя столетья
Безумия и страстей,
В Страну, где резвятся дети,
Не ведая взрослых затей.

Смеясь, положить усталость
Беспечности на порог.
И вдруг увидеть начало
Каким его создал Бог.

1994 г.

ТЕЛЕФОННЫЙ ОБЕТ МОЛЧАНИЯ

Вздыхнув, я включил мобильный.
И увидел твоё сообщение:
«Ты где потерялся, милый?»
С нетерпением жду возвращения.
Тоска моё сердце режет,
Люблю. Приезжай ровно в восемь».
И я без малейших задержек
Купил на ближайшем привозе
Прекрасные белые розы,
«Мартель» и головку сыра.
...И вот у дверей квартиры
Стою ослепительным франтом,
Сошедшим с картины Матисса:
Мой левый мизинец унизан
Брильянтами в сто каратов.
На шее цепь золотая —
Потянет граммов на двести,
На ней, напряженно качаясь,
Подвешен гигантский крестик.
В нагрудном кармане – футлярчик
Из крокодиловой кожи.
Там спрятан солнечный зайчик
В дизайне жемчужной броши.
Под мышкой, слева, «беретта» —
Шестизарядная «дура».

Бумажник топорщат конкретно
Стодолларовые купюры...
Короче: я упакован,
Широк и отчаянно нежен.
Немного смущён и взволнован,
И как океан – безбрежен...
Вхожу в коридор без стука.
Испуганные бульдоги,
Не проронив ни звука,
Менжуются у порога.
А ты принимаешь «джакузи».
Промокшую – поцелую,
Гортань обжигая вкусом
Тропической маракуйи...
И вот ты меня раздеваешь
Медлительно и сексапильно.
И вдруг, побледнев, замечаешь,
Что я не терял мобильный.
– Побойся, любимая, стресса.
Убавь высоту причитаний.
Я просто принял на месяц
Телефонный обет молчания!

1994 г.

СЛОНЫ В ПУАНТАХ

М. Панфиловой

Ты помнишь... Старая веранда,
Горячий чай и мы – в кругу —
Сиамские слоны в пуантах,
Сбежавшие на перекур...

Вот сам хозяин: строг и важен;
Повесил хобот, молчалив,
Вкушает девственную лажу
Легко, как пиво «на розлив»...

А вот и ты – сестра Марина.
Твой хобот нежен и красив.
Ты им, как будто апельсины,
Подносишь всем Императив...

Ещё там есть один усатый,
Не в меру тощий, наглый слон,
Его стихи чудаковаты.
И он спешит отдать поклон.

Ведь наше время на исходе.
Пора лететь в Страну ветров,
Вытаптывать на небосводе

Поэмы чистых облаков...

1994 г.

ОТХОД НА СЕВЕР

Горячее южное Солнце
Прощально смотрит мне вслед,
Идущему прочь от бессонниц,
Пешком от ненужных побед...

В карманах нет писем и денег,
Но разве страшна нищета?
В душе никаких угрызений,
Дорога пряма и чиста...

Всё дальше и дальше на Север,
Туда, где белеют снега,
В поля, где на солнечный клевер
Ещё не ступала нога...

Теперь без малейшей интриги,
Мои записные враги,
Вы можете выбросить книги,
Порвать на цитаты стихи.

Плодите никчёмные слухи,
Устав от мараний пустых,
Трепитесь, пока не опухнет
Отточенный в спорах язык...

А я, опьянённый надеждой,
Обнявшись с подушкой трав,
Усну перевозданным невеждой,
На ваши изыски плевав...

1994 г.

МОЙ ПУТЬ

Пускай всё прожито и новый путь бесцелен,
Любовь – плацебо, корни зла – добро,
Бог неприступен, строг и беспределен,
А сущее тождественно зеро —

Душа и тело распрощаться не сумели.
Нет, я не умер, я ещё живу
В чудной капели уходящего апреля,
В ростках, пробивших жухлую траву...

Мой путь – надежда, цель – восьмое небо,
Где неразменно истин серебро.
А в Бога верится неистово и слепо,
И в каждой мысли кроется добро.

1994 г.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПОЭТИЧЕСКОЕ КОРОЛЕВСТВО СИАМ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне повезло, так как в молодости довелось общаться со многими творческими людьми. С большинством из них я был в приятельских отношениях, знал особенности их характера, слабости и секреты. Один мой завистливый товарищ обозвал меня «коллекционером человеческих душ». Но это не так. Мною всегда двигал искренний интерес к человеческой личности. Когда я задумался о написании своих воспоминаний, то понял, что написать чистую правду о своих друзьях и знакомых не могу (дабы не испортить их репутации), а писать полуправду не имеет смысла. Реальные события намного превосходят любые выдумки. Поэтому развлекать читателя байками не стану. Но я напишу о событиях литературной жизни, участником которых был лично и которые имеют ко мне непосредственное отношение, по возможности не затрагивая коллизий жизни моих друзей и знакомых. Мой творческий путь начался в творческой группе «Поэти-

ческое Королевство Сиам». И по логике вещей я должен бы объяснить читателю, что это за группа и чем она занималась. В своё время о «Сиаме» выходило много статей в местной прессе, обычно с излишней патетикой, типа: *«Их было семеро. Все они писали стихи. И ставили на уши косных обывателей. Они затевали постановку скандальных пьес, бредили очередным культурным переворотом. Устраивали полемические разборки на страницах местных газет, задрав подбородки, читали стихи на вечеринках и концертах, хлопали что есть силы дверьми графоманских по своей сути литературных объединений...»* и т. д. Подобный стиль меня умиляет. Но мне бы хотелось видеть в своем изложении больше конкретики и фактов, пусть сухих, малоизвестных, но достоверных, как это принято в литературных мемуарах. Кроме того, у меня есть желание напомнить моим старым друзьям, какими они были в юности...

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

ВАДИМ ЯКОВЛЕВ

Независимая творческая группа «Поэтическое Королевство Сиам» была организована осенью 1988 года студентами краснодарских институтов. В неё вошли два будущих врача, два театральных режиссёра, дирижёр, филолог и журналист. Одним из них был я.

Ключевой фигурой в создании творческой группы «Королевство Сиам» стал Вадим Яковлев, будущий театральный режиссёр. Именно он свёл нас всех вместе. Впервые я с ним встретился в Краснодаре, на призывном пункте (так называемой «девятке»), 22 июня 1986 года. Это был последний в летнем призыве набор на срочную службу в Советскую армию, практически весь набор призывников был сформирован из студентов различных институтов города Краснодара. Если бы не служба в армии, думаю, мы бы никогда не встретились.

Первое впечатление чаще всего обманчиво. Вадим выглядел серьезным молодым человеком: высокого роста, поджарый, с выразительным, мужественным, загорелым лицом. В глазах его проблескивала какая-то отрешённость. Когда сержант срочной службы выстроил нас на плацу и стал вы-

бирать старшего, выбор его, естественно, остановился на Вадиме. Но вместо того, чтобы жёстко, по-военному, отдать команду: «Напра-во! Шагом марш!» Вадим небрежно махнул рукой и что-то промямлил типа: «Ну, пошли, что ли?..» И стало понятно, что никакой он не солдафон, а нормальный пофигист, практически свой человек.

Постепенно мы стали входить в абсурд армейской жизни. На другой день нас забрал «покупатель», и мы очутились на секретном полигоне железнодорожных войск неподалеку от города Дзержинска. Бесконечная муштра и недосыпания в начале службы не позволяли мне поближе познакомиться с Вадимом. Он был довольно флегматичен, глубоко погружён в свой личный мир; иногда казалось, что окружающих для него не существует. Скорее всего, и я выглядел так же. Но при первой же свободной минуте мы бежали в ленинскую комнату, где торопливо листали подшивки свежих газет и журналов, а бывало, даже перебирали струны имевшейся там старенькой гитары. Вадим неплохо играл на гитаре, сам сочинял и пел песни, и был немало удивлён, узнав, что я грешу тем же. Должен признаться, что пел, играл и сочинял он намного лучше меня. Это не удивительно, ведь Вадик учился в институте культуры, а я – в медицинском.

Как бы то ни было, но наши отношения окрепли, по мере сил и возможностей мы стали поддерживать друг друга в той тягостной и беспросветной атмосфере казёнщины. Частенько, соревнуясь, делали стихотворные наброски в сво-

их блокнотах, затем зачитывали друг другу. Сержанты, знавшие о музыкальных талантах Вадима, приглашали его в каптёрку, где он переписывал аккорды известных песен. Однако неформальное общение не давало ему никаких преимуществ. Работать и ходить в наряды ему приходилось так же, как и всем остальным. Уже в конце службы в учебной роте на Вадика, как на будущего режиссёра, возложили обязанности ведущего какого-то армейского утренника. С большой неохотой он занялся режиссурой. Утренник открывать пришлось ему самому. Сержанты, увидевшие результат напряжённой работы, попросту озверели. У Вадика произошёл настоящий сценический зажим. Он бормотал что-то невнятное, растягивал и терял слова, и к тому же беспрестанно, как гусь крыльями, размахивал руками. Любой ведущий, до известной степени, канатоходец, всегда высок риск сорваться. В общем, дебют оказался, мягко говоря, провальным.

Как-то летом мы попали в один наряд по свинарнику. Весь вечер таскали помои для свиней в огромных 40-литровых кастрюлях, чистили стойла, сгружали накопившийся навоз. Вадим полночи растапливал котёл, в котором варилась похлёбка для животных. В свинарнике шёл ремонт, поэтому спальных мест не было, спали по очереди в свином стойле, предварительно выгнав оттуда животных и застелив пол свежей соломой. Какой поэтический посыл! Естественно, в перерывах писали стихи. Я в ту ночь даже начал новый цикл под названием «Записки свинаря». Стихи – естествен-

но, о звёздах, любви и прочей романтической чепухе. Кстати, вот они:

*Глядя на хрустальный
Звёздный хоровод,
Я отправляюсь в странствие —
Последний мой поход.*

*Среди миров затерянных
Найду свою мечту —
Багрово-ярко-красную
Холодную звезду.*

*Сияньем тускло-розовым
Окутает меня,
И отворит пространство
Волшебная земля...*

*Там счастье одиночества
И радость многих встреч.
Любовь без опасения
Там можно уберечь.*

*Там облака лиловые,
Везде царит уют,
Там под вишнёвой радугой*

Я свой найду приют...

05.09.1986 г.

(Стихи Вадима не сохранились)

Утром я обнаружил пропажу сапог. Оглядевшись, мы нашли их в соседнем загоне, с обгрызенными носками. Пока мы спали, жирный хряк умудрился ими полакомиться. Пришедший утром прапорщик по кличке Конь пожалел меня и выдал на время старые изношенные сапоги... Позднее мы с Вадимом зашли в каптёрку и на последние деньги купили у сержанта новые сапоги. Проблема была решена! Как говорится: «Бог не выдаст, свинья не съест».

Как все солдаты, я получал письма от своей девушки, любовь у меня была безответная. Инициатором в переписке выступал я, поэтому письма приходили редко. Вадиму письма приходили часто. Некая влюблённая особа систематически засыпала его нежными посланиями. Подобные письма ценились в армии очень высоко, выбрасывать их считалось кощунственным, а хранить было негде. Злобные сержанты постоянно шмонали тумбочки и карманы подчинённых. Тогда мы сделали «финт ушами»: вложили письма в стеклянные, герметично закрывающиеся, банки и закопали их в ближайшем лесочке, заранее договорившись вернуться сюда после срочной службы и откопать это богатство. (Скажу честно: не вернулись и не откопали).

Иногда, приткнувшись где-нибудь на лесопилке или ве-

щевом складе, на груди противогазов, Вадик рассказывал мне о своей гражданской жизни и своих оригинальных друзьях, с которыми обещал когда-нибудь, в следующей невероятной жизни, познакомить... Речь шла о Шевкете, Сырьяновой, Пятикопове, чью песенку Вадик мне неоднократно напевал:

*Если пёстрая орда
Не сомнёт меня однажды —
Не сгорю в огне бумажном,
Не растаю без следа...*

Впервые там, в разговоре, промелькнуло имя Олега Виговского. По словам Вадима, эта странная категоричная личность, обладающая массой талантов, в том числе и поэтических, имела прозвище Декабрист; имя это он получил из-за стройотрядовской куртки, на которой по-французски был написан текст «Марсельезы». Декабрист был очень озабочен женским полом и предавался утопическим мечтаниям: хотел, например, обобществить всех женщин и пользоваться ими совместно, по мере возникновения естественной надобности. Сошёлся Вадик с Декабристом случайно, в студенческом трудовом лагере. Почему они заметили друг друга, было непонятным. (Но в том юном возрасте мы особо не задумывались о подобных вещах).

Запомнился ещё один забавный случай, когда сержант

сдуру назначил меня взводным парикмахером. Дело было в том, что ножницы я никогда в жизни в руках не держал, но к утру весь взвод должен был быть подстрижен. Каждый выкручивался как мог. Мы с Вадиком тоже взяли ножницы и вышли на стадион. Там, сидя на трибунах, мы и приняли постриг друг от друга. Сержант, увидев на разводе наш панковский хайр, обозвал нас стриженными баранами и немедля влупил нам пару нарядов вне очереди.

Честно говоря, первые месяцы службы были тяжёлыми, постоянно хотелось есть и спать. Многие солдаты таскали из столовой хлеб. За этим беспринципным делом был пойман и Вадик. В течение двадцати минут вся рота стояла с поднятой ногой, пока Вадик перед строем невозмутимо доедал сташенный батон хлеба. Возмущённые сослуживцы рвались начистить ему морду, но почему-то обошлось... Конечно, случались и серьёзные стычки. В нашей роте был набор из Дагестана, держались эти парни обособленно, вели себя нагло. Моя кровать стояла рядом с кроватью чемпиона Дагестана по боксу Джабраиловым. Правда, мне с честью удавалось избегать серьёзных конфликтов. Однако Вадик как-то сцепился с Джабраиловым. Началась драка, и Вадим успешно выдержал пару раундов с профессионалом, после чего дагестанцы притихли.

Однажды осенью Вадику пришла посылка из дома. Мы отправились её получать, в этих широтах было уже холодно, лежали высокие сугробы. В посылке мы обнаружили сгу-

щёнку, конфеты и две палки сушеной колбасы. Приносить посылку целиком в казарму было глупостью (сержант вытащил бы оттуда всё самое лучшее). Поэтому, недолго думая, мы на ходу съели палку колбасы (без хлеба!), а вторую палку зарыли в сугроб. (Сейчас вспоминаю эту колбасу ностальгически. Кажется, ничего вкуснее в жизни не ел).

Помню день рождения Вадика, когда ему исполнилось 19 лет. Накануне (19 сентября 1986 г.) мы пробрались в чайную и, потратив последние деньги, умудрились купить сока и пирожных. В те дни очень хотелось сладкого. Водки и подарков не было. Но я успел набросать экспромт и с важным видом вручил его имениннику:

В глазах рассвет, в стихах – клише.

Кипит безумие в душе...

Раскидист шаг, короткий век,

И речь стремительна, как бег...

Суждений нить свилась в витки,

Мечты, надежды – коротки...

Порой несёт ужасный бред.

Так – целых 19 лет!

Вадик был польщён. Да и кто не был бы польщён таким перлом!?

В конце октября закончился срок нашей службы на секретном полигоне железнодорожных войск. Меня перевели

в минскую бригаду, затем в «черный батальон» города Брянска. Вадика отправили в Амурскую область, поселок Свободный-7, в\ч №03415.

Разъехавшись по разным частям, мы не потеряли друг друга из вида. Изредка переписывались. Вернувшись в 1988 году на гражданку и восстановившись в свои институты, мы списались и договорились встретиться. Наши студенческие общежития оказались поблизости, на улице Шоссейной (сегодня – имени 40-летия Победы). В конце октября я отправился на поиски Вадика в общежитие института культуры.

Общага была старой, пыльной и тихой (студенты разъехались по колхозам). На третьем этаже я обнаружил комнату №115 и настойчиво постучал. Никто не отпирал. Я толкнул дверь рукой и вошёл. Не заметив каких-либо признаков жизни, я подумал, что перепутал комнаты, и хотел было ретироваться, но вовремя заметил на шифоньере, классически стоящем посреди комнаты, висящую гитару и смело двинулся вперед.

Действительно, за шифоньером в кровати кто-то спал, с головою укрывшись покрывалом. Я позвал: негромко, но настойчиво. На звуки моей речи из-под покрывала выглянула обнажённая грудастая девушка. Увидев меня, она юркнула обратно и закричала тоненьким голоском: «Вадик! Вадик! К тебе пришли!» Через секунду из-под покрывала по-

явилось заспанное лицо Вадима. Увидев меня, он обрадовался и немедленно представил своей подруге. Быстро накинув рубашку и штаны, Вадик выдал сакраментальную фразу: «Чувак, надо вбить „Красного гвоздя“ (так он в то время называл своё любимое вино „Красная гроздь“), я протусуюсь, а ты пока займи моё место». И он убедительно указал на кровать. Я призадумался. Чего нельзя было сказать о девушке: она с радостью протянула ко мне руки, едва захлопнулась дверь за Вадиком. Но воспользоваться ситуацией я не успел, магазин оказался рядом.

С Вадимом у меня сложились особые отношения. Он всегда мог поддержать беседу, но ещё лучше умел глубокомысленно молчать. На последнем курсе института Вадим поставил дипломный спектакль по пьесе «Реки на асфальте». На главную роль он пригласил Олега Виговского. Мы сидели в зрительном зале и с завистью наблюдали, как Виговский целуется на сцене с молодой студенткой.

Когда после свадьбы родители подарили Вадиму квартиру на улице Старокубанской, я частенько был его гостем. Над диваном в зале, фломастером на стене, рукой Вадима было написано: «Милая, разбуди меня утром. Только не буди мою гениальность», на другой стене был нарисован портрет Башлачёва. Меня Вадим обычно встречал в халате, мы шли на кухню, готовили чай, кормили мышку, которая жила у него за плитой. Затем усаживались в зале в кресла, неторопливо пили чай, включали проигрыватель. Я заказы-

вал песню «Каменное сердце» в исполнении Мика Джаггера, и мы вместе молчаливо медитировали. Такое времяпровождение у нас называлось «искусство лени». Теперь Вадик живет в Канаде, и мне не с кем разделить свою лень.

ОЛЕГ ВИГОВСКИЙ

Сейчас трудно вспомнить, но, кажется, на следующий день после встречи с Вадимом я впервые увидел Олега Виговского. Вадик сказал, что он договорился о встрече с Олегом в полдень возле института культуры. Но, устав дожидаться, мы пошли навстречу и столкнулись с Олегом где-то посреди улицы Шоссейной. Он показался мне высоким, широкоплечим, с большой головой и крупными чертами лица. Эффект «большеголовости» был вызван копной длинных, выгоревших на солнце кучерявых волос. На лице Олега кое-где сохранялись юношеские угри. Он очень напоминал молодого Блока. Вадик представил нас друг другу, и мы впервые обменялись рукопожатием. Рука у Олега была крепкая и сухая. Виговский выглядел сдержанным, излишне сосредоточенным для своего возраста человеком. Для солидности у него, как у почтальона, была перекинута через плечо небольшая черная сумка. Постояв немного посреди дороги, мы решили выехать в центр города. Добравшись на трамвае до Политехнического института на улице Красной, мы уселись за столиком в кафе «Березка», заказали бутылочку су-

хого вина и продолжили беседу. Поскольку недалеко от кафе находился кожно-венерологический диспансер, то сюда частенько бегали сифилитики покушать мороженого, о чем я не преминул сообщить своим друзьям. У Олега присутствовало чувство юмора, но шутил он как-то натянуто и плоско, однако интеллект присутствовал во всех его речах. Не пытаюсь войти в доверие к малознакомому человеку, я начал фонтанировать идеями, которые переполняли меня еще во время армейской службы. Предлагал изменить все и вся в этом мире и для начала в городе. Когда же Олег поинтересовался, какая же, на мой взгляд, первоочередная задача, я, ни минуты не задумываясь, убежденно ответил: «срочная сексуальная революция!» Вадик и Олег оторопело переглянулись, затем лица их просветлели. Все-таки мы были единомышленниками! Ведь поэт должен знать о любви всё, и, главное, научиться жить без неё. Олег так же, как я и Вадик, недавно демобилизовался из рядов СА (занятно, что он тоже служил в железнодорожных войсках, где досконально освоил профессию экскаваторщика). Учился Олег в институте культуры на факультете хорового дирижирования. От природы ему достался редкий бас, прекрасный музыкальный слух и чувство ритма. И еще Олег писал стихи...

Мы часто собирались у Олега дома, поэтому я хотел бы рассказать о самом доме и атмосфере, царящей в нем. Проживал Олег в частном секторе, на улице Дербентской, неподалеку от филиала Политехнического института (т.е. при-

близительно в 20 минутах ходьбы от наших с Вадиком студенческих общежитий). Это был маленький кирпичный дом с мансардой, обнесенный невысоким деревянным забором. Во дворе было несколько фруктовых деревьев, перед входом имелаь небольшая беседка, увитая виноградом, рядом находилась крошечная летняя веранда, за домом – перекошенный туалет. На кирпичной стене у входа масляной краской было выведено крупными буквами: «Революция была, Революция идет, Революция только начинается».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.